

Для достижения гармонии духа и тела необходимо было питать эту оболочку, поглощая злобу и демоническую энергию, рассеянные в мире. Однако такой метод мог лишь временно решить насущные проблемы.

После объединения Четырёх Великих Кланов, барьер в Далёких Облаках и Водах был восстановлен, и злоба с демонической энергией почти полностью исчезли. Он провёл в медитации целую ночь.

Малыш Тигр тоже сидел на столе, не двигаясь, и наблюдал за ним всю ночь.

Небо начало светлеть, окрашиваясь в цвет рыбьего брюха.

Кровавое сияние на мгновение мелькнуло, а затем исчез, и лицо снова приняло облик Гу Няньцина. Е Чанцзянь открыл глаза, потянулся, потер шею и размял ноги.

Малыш Тигр оттолкнулся задними лапами, прыгнул ему на грудь и лизнул подбородок.

Е Чанцзянь поспешно протянул руки, чтобы поймать его, и постучал по круглой головке:

— Малыш Тигр, сегодня я отправляюсь в путь. Ты оставайся в Далёких Облаках и Водах и жди моего возвращения, понял?

Сказав это, он положил Малыша Тигра на кровать и пошёл умываться.

Стук в дверь.

— Войдите.

Вошли Ли Цзюньянь и Янь Уюй.

— Юаньсы, ты готов?

Ли Цзюньянь держал в руках булочку с овощной начинкой, а во рту у него была ещё одна.

— Пошли.

Е Чанцзянь подошёл к нему и, молниеносным движением, выхватил булочку из его рук, бросил её в рот и начал жевать.

Выйдя из комнаты, он бросил взгляд внутрь — Малыш Тигр снова исчез.

Е Чанцзянь, Ли Цзюньянь и Янь Уюй подошли ко дворцу, где Тан Цзянли стоял перед отрядом Мечников.

— Почему Тан Цзянли идёт с нами? — удивился он. — У него ведь уже есть меч, который явно не простой.

— Не только он, — ответил Ли Цзюньянь. — Главные ученики трёх великих семей культиваторов тоже идут с нами. Дело в том, что семья Сяо из Западной Столицы практикует Путь Эликсиров, специализируясь на геомантии, фэншуй, алхимии и создании эликсиров. Их артефакты — это печи и геомантические компасы, поэтому, за исключением нескольких учеников, практикующих магические искусства, им не нужно всем идти в Ущелье Ясной Луны.

— Тан Цзянли отвечает за нашу безопасность.

— Значит, он обычно посещает занятия с нами тоже для нашей защиты?

— Да. Говорят, Тан Цзянли уже закончил высший уровень семи каналов, и после следующего турнира боевых искусств он вернётся в Гусу, чтобы занять пост Патриарха.

Е Чанцзянь слегка удивился:

— Тан Цзянли ещё так молод, как он уже собирается стать Патриархом?

Ли Цзюньянь огляделся и, понизив голос, сказал:

— Патриарх клана Танмэнь тяжело болен, на грани смерти.

Е Чанцзянь и Янь Уюй многозначительно посмотрели на него.

— Ли Цзюньянь, как твоя сеть информации добралась до Гусу?

Ли Цзюньянь махнул рукой:

— Ну, кроме Ночной переправы под звон ветра, я немного знаю о других кланах.

Янь Уюй с любопытством спросил:

— Почему в Ночную переправу под звон ветра нельзя попасть?

Ли Цзюньянь ответил:

— Говорят, перед смертью тот человек установил защитный барьер вокруг Ночной переправы под звон ветра, чтобы не пускать туда других культиваторов и высших демонов.

— Неизвестно, из чего сделан этот барьер, но за последние сто лет никто не смог проникнуть туда. Иначе Далёкие Облака и Воды давно бы уничтожили Ночную переправу под звон ветра, как бы они могли позволить ей существовать?

Янь Уюй с восхищением произнёс:

— Какой же это был выдающийся человек! Каким он был?

Ли Цзюньянь ответил:

— Старшее поколение говорит, что, хотя он был отъявленным злодеем, его внешность была поистине пленительной, несравненной красоты.

Е Чанцзянь почувствовал, как по его коже побежали мурашки:

— Разве он не был скорее губительным и демоническим?

Ли Цзюньянь покачал головой и таинственно сказал:

— У меня дома есть его портрет. Приходите как-нибудь в гости, я покажу вам.

Янь Уюй хлопнул в ладоши:

— Через несколько месяцев будет Новый год, приходите тогда ко мне в гости!

Они с оживлением смотрели на Е Чанцзяня.

Е Чанцзянь кивнул и улыбнулся:

— Ладно, всё равно мне некуда идти на Новый год, так что приду к вам выпить.

— Мечники, собирайтесь!

Тан Ханьюй, полный энтузиазма, громко объявил.

Е Чанцзянь поднял бровь:

— О, раны зажили.

Затем он посмотрел на Тана Сина, который тоже стоял впереди, бодрый и полный сил.

Янь Уюй потянул его за рукав и спокойно сказал:

— Пошли.

Е Чанцзянь ответил:

— Не получится, он ещё не извинился.

Янь Уюй сказал:

— Ему не нужно извиняться, я всё равно не приму. Некоторые вещи нельзя исправить простым «извини».

Е Чанцзянь уже собирался схватить Тана Сина, но, услышав это, остановился:

— Ты прав. Когда доберёмся до Ущелья Ясной Луны, пойдём за ним, и как только он останется один, изобьём его!

Ли Цзюньянь возразил:

— Но на этот раз с нами будет старший брат!

Он посмотрел на Е Чанцзяня:

— И я чувствую, что старший брат будет следовать за тобой по пятам.

Е Чанцзянь глубоко убедился, что Ли Цзюньянь — настоящий ворон.

Тан Цзянли первым вошёл в Ущелье Ясной Луны и встал у синего портала, ожидая его.

Едва он собрался улизнуть, как Тан Цзянли схватил его за руку и притянул к себе.

Е Чанцзянь закричал:

— О, мама моя! Тан Цзянли, зачем ты меня тащишь? Отпусти, мне нужно искать артефакты! Если опоздаю, останутся только собачьи кости.

Тан Цзянли спокойно посмотрел на него и, когда последний мечник вошёл в портал, сказал:

— Через три дня соберитесь здесь. Независимо от того, нашли ли вы материалы для артефактов, вы должны покинуть ущелье. Если попадёте в опасность, используйте сигнал клана Танмэнь.

Сказав это, он повёл Е Чанцзянь вглубь Ущелья Ясной Луны.

Ли Цзюньянь сказал:

— Видишь?

Он пожал плечами и с Янь Уюем выбрал другую дорогу.

Е Чанцзянь, видя, что Тан Цзянли ни за что его не отпустит, сказал:

— Я правда не собираюсь делать ничего плохого, обещаю, я не убью Тана Сина.

Тан Цзянли ответил:

— Не стоит совершать убийство из-за таких людей.

Его слова, казалось, имели скрытый смысл.

Е Чанцзянь сказал:

— Тан Цзянли, может, ты сразу ударишь меня Мечом, Рассеивающим Душу, чтобы я больше не мог творить зло.

Тан Цзянли промолчал. Наступила тишина.

Они шли вглубь ущелья, и солнечные лучи пробивались сквозь листву.

По обочинам дороги лежали обломки оружия.

Некоторые были блестящими, как новые, другие покрыты ржавчиной, некоторые излучали кровавый свет, а другие окутаны густым чёрным туманом.

Спустя некоторое время Тан Цзянли спокойно сказал:

— Мой меч никогда не будет направлен на тебя.

Е Чанцзянь рассеянно ответил:

— Да. Меч, который летит так медленно, и его техника, должно быть, тоже медленная, ты не сможешь меня поймать. Я бегаю быстрее ветра.

Они прошли ещё немного, и Е Чанцзянь сдался:

— Тан Цзянли, отпусти меня, я обещаю, что сейчас не пойду его бить, ладно?

Тан Цзянли отпустил его.

Е Чанцзянь бросился бежать, смеясь, и громко сказал:

— Я поймаю кролика, чтобы приготовить тебе, хорошо?

Через некоторое время Е Чанцзянь вернулся с двумя кроликами, держа во рту травинку, напевая лёгкую мелодию.

Он собирался разжечь огонь, когда услышал позади себя звук «тук».

Е Чанцзянь обернулся и увидел, что Тан Цзянли уже приготовил вертел, под которым горел огонь.

Е Чанцзянь многозначительно сказал:

— Тан Цзянли, кажется, ты хорошо разбираешься в готовке.

Тан Цзянли не ответил.

Е Чанцзянь сел на камень и сказал:

— Тан Цзянли, дай мне свой меч.

Меч, излучающий холод, был протянут ему.

Е Чанцзянь, не задумываясь, вытащил меч и быстро снял шкуру с кроликов.

Затем он насадил кроликов на меч и положил их на вертел.

— Если бы только был тмин, — пробормотал он.

Белая фарфоровая бутылочка была протянута ему.

Е Чанцзянь с подозрением посмотрел на Тан Цзянли, взял бутылочку и открыл крышку.

Запах тмина разнёсся в воздухе.

Теперь Е Чанцзянь был уверен, что Тан Цзянли тайно ел мясо, раз у него были такие приспособления для готовки!

— Жареный кролик, я люблю его~, — напевал он, время от времени переворачивая меч. Меч Тан Цзянли был сделан из какого-то особого материала — на нём не осталось ни капли крови, он не почернел от дыма и не покраснел от огня.

Мясо кролика подрумянилось, сочилось соком и источало аромат на десятки ли вокруг.

Е Чанцзянь поднёс кролика к носу и понюхал:

— Как вкусно пахнет, Тан Цзянли, один тебе, один мне.

Сказав это, он протянул одного кролика Тан Цзянли.

Пронёсся лёгкий ветерок.

Кролик исчез из рук Е Чанцзяня.

Он стиснул зубы, выдавив улыбку:

— Кто это осмелился украсть еду у меня?

В ответ раздался звук «тук-тук-тук», и к его ногам упали несколько костей.

Е Чанцзянь поднял голову и увидел на вершине древнего дерева мальчика с детским лицом, одетого в красный костюм. Его рот был в масле, и он с удовольствием ел.

<http://bllate.org/book/16478/1496777>